

Костокрызов П.И. Юридическая антропология в поисках парадигмы // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2017. Т. 17, вып. 4. С. 81–99.

УДК 340.115

DOI 10.17506/ryipl.2016.17.4.8199

ЮРИДИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В ПОИСКАХ ПАРАДИГМЫ¹

Павел Игоревич Костокрызов

кандидат исторических наук, научный сотрудник
отдела права Института философии и права УрО РАН,
Россия, г. Екатеринбург.

E-mail: pkostogryzov@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-9345-3900

Материал поступил в редколлегию 12.04.2017 г.

Исследования в области юридической антропологии активно развиваются в России последние два десятилетия. Однако, как указывает автор, место этой дисциплины в системе наук о человеке и обществе до сих пор остается предметом дискуссий. Среди отечественных ученых нет единства в плане определения ее объекта и предмета, структуры науки; не разработан общепринятый категориальный аппарат. Современное гуманитарное знание, в том числе антропологическое, характеризуется междисциплинарностью. Это, с одной стороны, открывает широкие эвристические перспективы, а с другой – порождает определенные трудности гносеологического плана, наиболее очевидная из которых – проблема переводимости знания с языка одной дисциплины на язык другой. Поскольку юридико-антропологические исследования

¹ Статья подготовлена при поддержке исследовательского проекта ИФИП УрО РАН № 15-19-6-6 «Трансформация морально-политических и правовых регуляторов современного общества: взаимодействие национального и глобального пространств».

ведутся как учеными-юристами, так и антропологами, а часто и специалистами из других общественных наук, то для обеспечения синергии их исследовательских усилий возникает необходимость выработки единого, однозначно понимаемого всеми учеными языка юридической антропологии, что требует целенаправленных усилий всего исследовательского сообщества по формированию «терминологических конвенций». Это предполагает публичную дискуссию с участием широкого круга ученых, пришедших из разных дисциплин, но объединенных общей антрополого-правовой проблематикой исследований. Охарактеризовав основные методологические подходы, сосуществующие в современной российской юридической антропологии, автор намечает наиболее перспективные линии, по которым могла бы развернуться такая дискуссия. Как один из возможных вариантов представлено авторское видение объекта, предмета, структуры науки. Рассмотрена одна из наиболее перспективных теорий, претендующих на роль философского фундамента юридико-антропологических исследований – энергийная антропология.

Ключевые слова: юридическая антропология, антропология права, методология науки, парадигма, исследовательский подход, энергийная антропология.

«Антропологический поворот» в общественных науках, наметившийся во второй половине XX в., не обошел стороной и юриспруденцию. Юридическая антропология благодаря трудам таких корифеев, как Н. Рулан, заняла почетное место среди правовых дисциплин. Отечественное правоведение, оказавшееся в ситуации методологического кризиса в результате разрушения монолита марксистско-ленинской парадигмы, считавшейся ранее «единственно верной», обратилось к антропологии в конце 1990-х гг. И хотя за прошедшие два десятилетия написаны монографии и учебники, защищены диссертации (в том числе докторская диссертация О.А. Пучкова [Пучков 2001]) по юридической антропологии, ее эпистемологический статус и место в системе наук о человеке и обществе остаются предметом дискуссий.

В России антропология права развивается по двум параллельным линиям. Одна из них существует относительно давно как субдисциплина социальной (культурной) антропологии. Ее «основы были заложены еще в XIX веке, однако в советское время число исследований в этой области драматически сократилось, и эта субдисциплина ... стала восстанавливаться лишь с 1990-х гг.» [Соколовский 2015: 147]. Исследовательские усилия научного сообщества, сформировавшегося вокруг этого направления, сосредотачиваются в основном на изучении обычного права и юридического быта коренных народов. Большинство его участников придерживается традиционной для антропологов и этнографов парадигмы, в рамках которой вопрос о статусе юридической антропологии как одного из «разделов», или субдисциплин, культурной антропологии считается давно решенным и не обсуждается.

Другая линия – гораздо более молодая – начала формироваться во второй половине 1990-х гг. внутри научного сообщества юристов, и процесс ее становления до сих пор не завершен. Исследователи, представляющие это направление, чаще всего рассматривают юридическую антропологию как одну из юридических наук или «отрасль в рамках общей юриспруденции» [Ковлер 2002: 20].

В рамках данного подхода, в свою очередь, существуют две точки зрения. Сторонники первой, в частности А.И. Ковлер и В.С. Нерсесянц, видят в антропологии права самостоятельную научную и учебную дисциплину наряду с другими фундаментальными юридическими науками. «В системе юридических наук и юридического образования юридическая антропология занимает свое особое и самостоятельное место в ряду таких общенаучных юридических дисциплин, как теория права и государства, философия права, социология права, психология права, история права, государства и правовых учений, сравнительное правоведение», – пишет в этой связи В.С. Нерсесянц [Нерсесянц 1999: 2].

Ученые, придерживающиеся второй точки зрения, не признают за антропологией права подобного статуса, настаивая, что она представляет собой особый мировоззренческий и методологический подход в сфере общей теории права и юридической науки в целом. На такой позиции стоят, например, авторы недавно вышедшей монографии «Социокультурная антропология права», которая является, пожалуй, самым фундаментальным на сегодняшний день трудом по данной проблематике в отечественной науке. Для них «социокультурная антропология права – это не самостоятельная институционализированная научная дисциплина, а специфический подход к анализу и репрезентации правовой реальности, более глубокий, нежели исповедуемый догматической юриспруденцией. ... Специальная институционализация этой дисциплины и не требуется» [Исаев, Честнов 2015: 162].

В целом можно констатировать, что в настоящее время сосуществуют два направления в юридической антропологии. Их можно условно назвать «антропологическим» и «юридическим». Причем их парадигмальные основания, достаточно устоявшиеся в случае «антропологической юридической антропологии» и находящиеся в начальной стадии становления в случае ее «юридического» аналога, настолько различны, что представляется не очень большим преувеличением говорить о возможности появления двух разных наук с одинаковым названием. Формируются независимые научные сообщества, не только практически не пересекающиеся по составу, но и зачастую игнорирующие исследовательские достижения друг друга. Такую ситуацию трудно признать желательной. Назрела необходимость попытаться «закрыть брешь», образовавшуюся между двумя антропологиями права. Нельзя сказать, что такая работа не ведется. На рубеже 1990–2000-х гг. проводились Летние школы по юридической антропологии, в рамках которых происходил диалог антропологов и юристов; в Институте этнологии и антропологии РАН действует семинар по юридической антропологии [Новикова 2016: 125]. Однако эти усилия пока не привели к формированию единой парадигмы.

В поисках сближения позиций ориентиром может послужить следующее замечание И.Л. Честнова: «Исповедуемый подход, впрочем, не отрицает существования институционализированной социокультурной (или социальной) антропологии права» [Исаев, Честнов 2015: 162]. Оно предполагает существование юридической антропологии в двух «ипостасях» – как гносеологической ориентации в юриспруденции и как самостоятельной,

институционализированной, по терминологии, принятой в цитируемой работе, научной дисциплины. На наш взгляд, именно эта мысль указывает путь к синтезу кажущихся несовместимыми точек зрения по вопросу о научном статусе антропологии права.

Для того чтобы определить место юридической антропологии как самостоятельной научной дисциплины в системе социально-гуманитарного знания, следует прежде всего выяснить, что является объектом ее изучения. Н. Рулан понимает эту науку как «дисциплину, которая путем анализа письменного или устного слова, практики и системы представительства изучает процессы юридизации, свойственные каждому обществу, и стремится выявить их внутреннюю логику» [Rouland 1990: 7].

Согласно этой дефиниции объектом изучения антропологии права являются «процессы юридизации» с присущей им «внутренней логикой», рассматриваемые с учетом географической, культурной, исторической и иной вариативности («свойственные каждому обществу»). Под «процессами юридизации» в свою очередь понимается то, как «каждое общество ... выбирает, какие правила поведения, уже действующие в других системах социального контроля (например, морали или религии) квалифицировать (или не квалифицировать) как правовые» [Rouland 1990: 8]. Это определение трудно признать исчерпывающим, поскольку при всей важности указанных процессов было бы неправильно ограничивать область изучения юридической антропологии только ими.

Среди отечественных ученых нет единства в определении объекта исследования антропологии права. В.В. Бочаров, например, считает таковым «обычно-правовую систему (инвариант обычного права), которая формируется в процессе общественной самоорганизации и определяет социальный порядок в традиционном обществе» [Бочаров 2013: 16] (курсив мой. – П.К.). По нашему мнению, такой подход неоправданно сужает предметную область науки, сводя ее фактически к юридической этнографии. Во-первых, юридическая антропология изучает отнюдь не только традиционное общество, но и современное. Это, кстати, наглядно демонстрирует и сама работа В.В. Бочарова, из которой взято данное определение: в ней автор исследует действие «неписаного закона» в современном обществе не менее тщательно, чем в традиционном, расширяя таким образом им самим обозначенные границы заявленного объекта изучения. Во-вторых, трудно согласиться с автором определения в том, что антропологию права должна интересовать исключительно обычно-правовая система (которая, по его мысли, представляет собой «инвариант обычного права»). Многими исследователями, начиная с Н. Рулана [Рулан 1999], убедительно показано, что юридическая антропология должна рассматривать человека в контексте как обычного права, так и писаного, без чего невозможно создание целостной модели *homo juridicus*.

Авторы монографии «Социокультурная антропология права» считают, что «объектом науки социокультурной антропологии права выступает *право* как социальное явление во всей его многогранности, или *правовая реальность*, т.е. *люди*, социализированные в данной культуре, конструирующие

господствующие сегодня социальные представления о праве, включая знаковое их воплощение в законодательстве и других формах нормативности права, и их реализацию в юридически значимых практиках» [Исаев, Честнов 2015: 121] (курсив мой. – П.К.). В этом определении бросается в глаза неравнозначность понятий, связанных уточняющими союзами «или» и «то есть». Разве право, пусть даже взятое «во всей его многогранности», идентично «правовой реальности», а последняя – «людям, конструирующим ... социальные представления о праве»? Таким образом, объект юридической антропологии в рамках одной дефиниции определяется тройким (!) образом, что не может не вызвать у читателя некоторого недоумения.

По словам О.А. Пучкова, «юридическая антропология изучает *право как проблему человека*» [Пучков 1999: 90] (курсив мой. – П.К.). А.И. Ковлер, отталкиваясь от определения юридической антропологии, данного Н. Руланом, сформулировал собственное в двух вариантах – развернутом и кратком. Приведем здесь последний: «Юридическая антропология изучает *правовое бытие человека* на всех стадиях развития этого бытия, от архаических до современных» [Ковлер 2002: 23] (курсив мой. – П.К.). С ним солидаризируется Н.И. Новикова: «...юридическая антропология изучает *правовое бытие людей*» [Новикова 2016: 128]. Сходным образом определяет объект антропологии права академик В.С. Нерсесянц. «Юридическая антропология, – пишет он, – наука о *человеке* как социальном существе в *его правовых проявлениях, измерениях, характеристиках*» [Нерсесянц 1999: 1] (курсив мой. – П.К.).

Предельно упрощая, можно свести все разнообразие точек зрения, высказываемых разными учеными и научными школами в дискуссии об объекте антропологии права, к двум фундаментальным позициям: одни считают ее наукой в первую очередь о *праве*, другие – о *человеке*. Первая позиция среди отечественных исследователей представлена В.В. Бочаровым и авторским коллективом монографии «Социокультурная антропология права», вторая – В.С. Нерсесянцем, А.И. Ковлером и всеми учеными, принадлежащими к «антропологической» линии в юридической антропологии. Точку зрения О.А. Пучкова можно рассматривать как компромиссную, но, на наш взгляд, она все же ближе к «антропологическому» варианту.

При выборе между обозначенными позициями следует исходить из двух принципиально важных соображений. Прежде всего, из самого названия науки – «юридическая антропология» или «антропология права». Антропология – по определению наука о человеке, и дисциплина, имеющая иной объект, просто не может называться этим термином, какой бы эпитет ни стоял перед этим словом. Следовательно, справедливо признать, что объектом изучения юридической антропологии является именно человек, а не что-либо иное. Далее, необходимо учитывать, что юридическая антропология как субдисциплина культурной антропологии существует уже достаточно давно и речь может идти о расширении ее предметного поля, методологическом обогащении за счет более тесного взаимодействия с юридической наукой, возможно, о ее ре-институционализации за счет более четкого размежевания с другими субдисциплинами антропологии, о

применении новых подходов и конструировании новой парадигмы, но не о создании другой науки с тем же названием, но иным объектом изучения.

Поэтому необходимо разделять собственно юридическую антропологию как самостоятельную научную дисциплину («институционализированную антропологию права» [Исаев, Честнов 2015: 162]) и антропологический (антропоцентрический) подход в юриспруденции. Для последнего В.И. Павлов употребляет термин «антропологическая концепция права» [Павлов 2014: 167].

Теперь нам предстоит выяснить, в чем специфика юридической антропологии по сравнению с другими науками о человеке. Антропология обычно понимается как интегральное знание о человеке. Но, с другой стороны, человек – столь сложный объект, что невозможно его всеобъемлющее изучение в рамках лишь одной науки, которая при этом сохраняла бы единство предмета и методологии. Поэтому антропологию следует также рассматривать как своего рода «зонтичную» науку, которая сводит воедино множество относительно самостоятельных научных дисциплин: физическую, культурную, политическую антропологию и т.д. В их число входит и юридическая антропология. Объединяет их общий объект изучения – человек, но каждая из отраслей антропологии имеет свой особый предмет исследования и собственную методологию.

Юридическая антропология – наука в первую очередь о человеке и лишь во вторую – о праве. Это позволяет провести четкую грань между ней и юридическими науками в собственном смысле. В фокусе юриспруденции (даже рассматриваемой с последовательно антропологических позиций) находится право, тогда как объектом изучения антропологии, в том числе юридической, всегда остается человек. Когда юрист смотрит на человека, он видит присущие ему правовые характеристики; когда антрополог смотрит на право, он видит создающего его человека. Можно сказать, что антропология права представляет собой видение человека сквозь призму права. Ее задачами являются исследование правового бытия человека и поиск «человеческих корней» права, то есть тех граней человеческого бытия и права, которые выпадают из поля зрения других отраслей антропологии, с одной стороны, и юриспруденции – с другой.

Таким образом, юридическая антропология представляет собой науку о человеке, стоящую в одном ряду с другими антропологическими дисциплинами. Объект ее изучения отличен от объекта юриспруденции. Антропология права «подпитывает» юридическую науку идеями, вооружает методологическим инструментарием, снабжает научными фактами, практическими рекомендациями, но сама не является в строгом смысле ее частью.

Итак, объектом изучения антропологии вообще и юридической антропологии в частности выступает человек. Построение концепции человека во всей его многогранности – задача философской антропологии. Каждая из специальных антропологических дисциплин подвергает общий для них объект необходимой редукции. В случае антропологии права эта редукция выглядит так: человек → человек-в-праве → человек юридический → субъект права.

Юридическая антропология не может претендовать на то, чтобы схватить объект изучения «человек» во всей его онтологической полноте, как не претендует на это ни одна из «отраслевых» антропологий, но она может высветить в нем грани, недоступные оптике других антропологических дисциплин. Поэтому она фокусирует внимание на специфической стороне этого объекта – *человеке-в-праве*. Антропология права рассматривает человека погруженным в правовое бытие, стараясь не упустить ни одного из аспектов человеческого существования, которые так или иначе проявляются в этом бытии, взаимодействуют с ним.

Следующий шаг редукции – *человек юридический (homo juridicus)*, «производитель» и «потребитель» права, взаимодействующий в юридическом поле с другими людьми и вне/надличностными сущностями (государством, юридическими лицами и т.д.). Здесь необходимо учитывать не только прямое воздействие созидателя на свое творение, но и обратное: человек – существо культурно обусловленное, а значит, его личность формируется, в числе прочего, и правом как одной из составляющих культуры. Поэтому в отличие от человека-в-праве, представляющего собой универсальный феномен, человек юридический существует во множестве цивилизационных, региональных, национальных проявлений. Каждой правовой культуре соответствует свой «подвид» *homo juridicus*.

Последняя точка редукции – *субъект права* – уже собственно юридическое понятие, он является общим объектом изучения для антропологии права и юридической науки; это «человек нормативный», такой, каким он зафиксирован в нормах позитивного права.

Предметом юридической антропологии является *правовое бытие человека* во всей его многогранности, то, что дореволюционные русские юристы называли «юридическим бытом». Более строго этот предмет представляется возможным определить в границах поведения личности и общностей разного порядка в юридическом поле, обусловленного контекстом конкретной культуры, с присущими ему как вариативностью, так и инвариантами. Последнее замечание – это, в определенной степени, рефлексия слов В.В. Бочарова [Бочаров 2013: 16] об «инварианте обычного права»; на наш взгляд, инвариантность в человеческом поведении, в том числе и правовом, безусловно существует. Антропология права, как и любая другая антропологическая дисциплина, относит к числу своих задач выявление таких инвариантов. Но при этом не меньший интерес для нее представляет и вариативность в рамках исследуемого предмета.

Задачи юридической антропологии в самом обобщенном виде состоят в том, чтобы познать правовое поведение людей разных культур и на базе этого знания выявить те универсалии, которые определяют присутствующие виду *homo sapiens* рамки правового поведения. Вообще, вопрос о том, должна ли антропология права заниматься поиском универсалий или различий, сопровождает эту науку с момента возникновения. Если до середины XX в. антропологи склонялись к «универсализму», то во второй его половине возобладали позиция культурного релятивизма: ученые концентрировали внимание на отличиях – человека традиционного

общества от цивилизованного, африканца от европейца и т.д. В крайних своих формах этот релятивизм доходит до утверждения полной несоизмеримости культурного и социального опыта людей, принадлежащих к разным цивилизациям. Думается, настало время более взвешенного подхода. На наш взгляд, принципиально важны как универсальные, так и уникальные для каждой культуры характеристики правового бытия; но общее познается лишь в результате тщательного исследования частного. Поэтому конкретные исследования правовых культур (которыми занимается юридическая этнография) должны предшествовать построению обобщающих моделей.

В задачи нашего исследования не входит исчерпывающая характеристика предметного поля антропологии права, однако хотелось бы отметить особую значимость для нее темы *правосознания*. Если в теории государства и права она является периферийной, то для юридической антропологии должна, на наш взгляд, стать одной из центральных. Несмотря на наличие монографий и диссертаций, в том числе докторских, проблематику правосознания нельзя считать в достаточной мере изученной. Дело в том, что будучи по своей природе не столько юридической, сколько человеческой, она и не может быть исчерпывающе познана методами «чистой» теории права, которая неизбежно абстрагируется от социокультурного «фона» юридических явлений. А значит, именно антропология права должна внести существенный вклад в исследование этого феномена.

Каждая отрасль знания должна быть определенным образом организована для эффективного решения стоящих перед ней познавательных задач. О.А. Пучкову *структура* юридической антропологии видится следующей: 1) теория (общая часть) юридической антропологии; 2) юридическая антропология современного общества; 3) юридическая антропология традиционного общества (юридическая этнография) [Пучков 1999: 5]. Возникает вопрос: настолько ли непреходима грань между современными и традиционными обществами и настолько ли различны методы их изучения, что для них необходимо выделять самостоятельные разделы научной дисциплины? Ведь этнографическими методами изучают любые человеческие общества, вне зависимости от того, на какой исторической стадии развития они находятся.

Если уж следовать логике построения юридических дисциплин, то более обоснованным представляется разграничение, прежде всего, *общей (теоретической) и особенной частей*. Тогда очевидно, что задача второй – наблюдение правовой реальности, сбор и систематизация информации, а первой – теоретическое обобщение и концептуализация полученного знания. В особенной части, в свою очередь, можно предусмотреть подразделы для прекративших существование (историческая антропология права) и существующих (юридическая этнография) обществ, поскольку методы их изучения, действительно, различны; в рамках последней – юридическую антропологию современных и традиционных обществ (или, как предлагают некоторые авторы, антропологию позитивного и обычного права), антропологию правовых субкультур и т.д.

К числу важнейших характеристик любой научной дисциплины, определяющих ее эпистемологический статус, относятся используемые ею методы познания. Обстоятельный разговор о методах антропологии права потребует как минимум отдельной статьи, поэтому, не останавливаясь на этом вопросе подробно, отметим лишь такое ее свойство, общее для всех наук о человеке и имеющее непосредственное отношение к используемому методологическому инструментарию, как принципиально междисциплинарный характер.

Исследовательское поле каждой из антропологических дисциплин пересекается с исследовательским полем по крайней мере еще одной науки – биологии, культурологии, политологии, юриспруденции, что отражено и в их названиях – культурная антропология, политическая антропология и т.д. Такая «двойственность» находит выражение и в том, как эти дисциплины конструируют свой предмет, и в том, какие методы они используют.

Междисциплинарный синтез в высшей степени характерен для современного этапа развития науки вообще и гуманитарной науки в особенности. Этот этап предполагает «реорганизацию всего научного знания и его производства не столько по дисциплинарному, сколько по проблемному, или проблемно-ориентированному принципу» [Соколовский 2000: 52]. Междисциплинарность – имманентное свойство наук о человеке, и даже разделение антропологии на несколько относительно самостоятельных отраслей не лишает каждую из них этой характеристики. Юридическая антропология не может обойтись без использования познавательного инструментария целого ряда наук – не только юриспруденции и антропологии, но также этнографии, истории, политологии, лингвистики, психологии, социологии.

Междисциплинарность антропологических исследований, с одной стороны, несомненно открывает широкие эвристические перспективы, а с другой – порождает определенные трудности гносеологического плана, наиболее очевидная из которых – проблема переводимости знания с языка одной дисциплины на язык другой.

Поскольку юридико-антропологические исследования ведутся как учеными-юристами, так и антропологами, а часто и специалистами из других общественных наук, то для обеспечения синергии их исследовательских усилий возникает необходимость выработки единого языка, однозначно понимаемого всеми участниками данного междисциплинарного сообщества. Это возможно в результате целенаправленной деятельности по формированию «терминологических конвенций», предполагающей публичную дискуссию с участием широкого круга ученых, пришедших из разных дисциплин, но объединенных общей антрополого-правовой проблематикой исследований. Ученые начали рассматривать вопросы разработки единого терминологического аппарата еще в 1990-е гг. По сути, каждая публикация по теме вносит в решение этой проблемы тот или иной вклад. Однако до настоящего времени разговор ведется скорее в режиме монолога, нежели диалога: каждый автор предлагает свои определения базовых понятий, лишь отчасти коррелирующие с терминологическими разработками коллег.

Хотелось бы надеяться, что эта дискуссия все-таки выйдет на новый уровень, предполагающий активный обмен идеями и выработку консенсуса по базовым «терминологическим константам», составляющим «категориальный каркас» [Рязанова 2013: 38] научной дисциплины.

Не претендуя на то, чтобы выводить основные контуры этого «каркаса», возьмем на себя смелость указать некоторые направления возможного хода дискуссии, а также обозначить хотя бы несколько терминов, которые являются, на наш взгляд, узловыми для предполагаемого конвенционального языка юридической антропологии.

Очевидно, что краеугольными понятиями данной научной дисциплины являются «человек» и «право». Впрочем, эти категории настолько сложны и многогранны, что их определение вызывает не прекращающиеся уже который век споры даже в рамках философской антропологии и юриспруденции соответственно. Поэтому их уместно рассматривать как *метакатегории* юридической антропологии, не определяемые гносеологическими средствами самой этой науки. Их разработка остается прерогативой философии – философской антропологии и философии права соответственно. В юридической же антропологии могут сосуществовать научные школы, границы между которыми проходят прежде всего по линии понимания данных базовых категорий. При этом необходимо ясно указывать, из каких именно представлений о человеке и праве исходит автор конкретного исследования.

Почему ясность в этом вопросе так важна на наш взгляд? Дело в том, что философские идеи, положенные в фундамент научного исследования, в значительной степени предопределяют направление, в котором оно будет развиваться, реперные точки, к которым будет привязываться топология продуцируемого научного знания. И поэтому важно, прежде всего для самого исследователя, чтобы эти идеи были оформлены в ясную концепцию. «Предельными» категориями такой концепции в случае юридической антропологии являются, как уже было сказано, понятия «человек» и «право». От того, какие именно представления о человеке и праве будут взяты автором за отправную точку, зависят весь строй его рассуждений и, в конечном счете, содержание выводов, к которым он придет в результате исследования.

Первая функция, которую призваны выполнять эти категории в антрополого-юридическом исследовании, – так сказать, калибровочная – заключается в том, что они позволяют выделять из мира феноменов объекты, составляющие их объем, то есть однозначно отличать людей от не-людей и правовые явления от не-правовых.

И если при всех различиях в интерпретации содержания понятия «человек» относительно его объема существует консенсус – все антропологи согласны¹ в том, кого именно считать человеком (по крайней мере, когда речь идет о современных людях, а не об их ископаемых предполагаемых предках), то с термином «право» дело обстоит иначе.

¹Мы сознательно оставляем за скобками споры о том, является ли человеком человеческий эмбрион, клон, а также маргинальные концепции, отрицающие человеческий статус некоторых представителей вида *homo sapiens* (например, больных синдромом Дауна).

Существующие в современной юридической науке определения права, будучи разнообразными по содержанию, различаются и по объему, так что в зависимости от того, какое из них кладется в основу того или иного юридико-антропологического дискурса, различными будут и множества феноменов, квалифицируемых как юридические. Это необходимо иметь в виду всякий раз, когда заходит речь о выяснении того, что именно должно составлять предметное поле юридической антропологии. У различных авторов, научных школ и направлений его границы будут различаться в зависимости от принятого ими определения права.

Вторая функция, выполняемая метакатегориями антропологии права – собственно гносеологическая. Она, возможно, даже важнее первой, и в этом случае основную роль играет уже не объем, а именно содержание концептов «человек» и «право», так как именно оно задает вектор научного поиска, направляя его в определенное русло.

Как это ни парадоксально, большинство работ по юридической антропологии, даже самых фундаментальных, считающихся классикой, не раскрывают в явном виде тех концепций *человека*, которые лежат в их основе. Видимо, авторы довольствуются интуитивным пониманием человека (своим собственным и читателя), которое неплохо справляется с первой, «калибровочной», функцией, но не может быть достаточным для выстраивания целостной гносеологической конструкции, являющейся организующим стержнем каждой научной теории. Сказанное не означает, что у антропологов права нет четкого представления о человеке; оно, конечно, присутствует, но чаще всего «незримо», и читателю приходится реконструировать его по косвенным данным. Труды по юридической антропологии воспринимались бы намного лучше, если бы их авторы раскрывали свои философские позиции во введении или первой главе.

Счастливым исключением в этом отношении стала коллективная монография «Социокультурная антропология права», содержащая написанный В.И. Павловым раздел [Исаев, Честнов 2015: 109-116, 301-337], в котором кратко изложена концепция человека, составляющая основу авторского дискурса. В более развернутом виде она представлена в отдельных работах этого ученого [Павлов 2012а; 2012b; 2014]. В отличие от большинства публикаций по юридической антропологии, как отечественных, так и зарубежных, авторы которых отталкиваются от бихевиористских, фрейдистских или марксистских представлений о человеке, в качестве философского фундамента в монографии выбрана оригинальная антропологическая теория.

Эта теория – авторы называют ее *энергийной* или *синергийной* – разрабатывается известным современным русским философом-антропологом С.С. Хоружим и его школой. Она берет начало в антропологическом учении и аскетической практике осевого направления в средневековом православном богословии – исихазма (труды Иоанна Дамаскина, Григория Паламы и др.). Исихастская же антропология имеет свои истоки в философии Аристотеля, получая эстафету преемственности от нее через труды Боэция и Оригена.

Для энергийной антропологии характерны отказ от попыток схватить сущность человека как нечто статичное, раз и навсегда установленное (это вообще свойственно современному антропологическому дискурсу, начиная с экзистенциалистов, показавших, что сущность человека состоит в его существовании – экзистенция предшествует эссенции) и переход к построению динамической модели человека – не ставшего, но становящегося и при этом активного участника этого становления, творящего себя самого (аутопозис). Такого рода активность фундирована понятием энергии; собственно, человек в оптике исихастов и есть не что иное, как «пучок», «сгусток» разнонаправленных энергий.

В.И. Павлов вслед за С.С. Хоружим определяет суть энергийного понимания человека так: «Энергия есть актуализация потенций сущего, причем, как отмечает С. С. Хоружий, “именно — сам процесс, движение, деятельность актуализации, а не ее результат (актуализованность; осуществленность)”. Согласно Иоанну Дамаскину, “все способности [человека] ... как познавательные, так и жизненные, так и естественные, также и искусственные, называются *ἐνέργεια*”, “энергия есть естественная и первая вечно движущаяся сила разумной души”. Что характерно для несущностного, неэссенциального описания человека, так это то, что аскетика в результате опытного наблюдения за человеком дополнила, развила и уточнила концепт энергии – человек энергийный... стал рассматриваться как постоянно меняющаяся множественность, стихия дробности и изменчивости» [Павлов 2012b: 16].

Таким образом, энергийная антропология представляет собой «динамический подход к человеку в его природе, динамическую антропологическую установку» [Хоружий 2002]. Отказываясь от свойственного вульгарному сциентизму поиска однозначных линейных закономерностей типа «причина – следствие», она «ставит в центр нравственно-волевые начала» [Хоружий 2002]. Такая гносеологическая установка вполне комплиментарна юридической антропологии, которая также уделяет пристальное внимание нравственно-волевому началу в человеке, «ответственному» за порождение правовых феноменов.

И тем не менее оптимальность выбора именно энергийной антропологии в качестве философского «фундамента» юридико-антропологических исследований представляется далеко не очевидной. Теория С.С. Хоружего и его школы может показаться чересчур оригинальной – вплоть до экзотичности; возможен также упрек в некоторой архаичности, ведь идеи энергийной антропологии опираются на корпус византийских философских текстов более чем шестисотлетней давности.

Однако, на наш взгляд, эти сомнения легко рассеиваются. Архаичность антропологии С.С. Хоружего – кажущаяся. Вся европейская философская традиция ведет свою генеалогию от Аристотеля, и византийский исихазм представлял собой часть общеевропейского интеллектуального «мэйнстрима» в самом широком смысле. Тот факт, что традиция исихастской философии в определенный момент прервалась и долго оставалась в забвении, не может служить аргументом против ее актуализации на новом этапе.

Есть у энергийной антропологии «точки соприкосновения» и с рядом постклассических концепций, входящих в круг наиболее актуальных идей современной западной философии и общественных наук в целом. В частности, сам С.С. Хоружий указывает на определенные коннотации, которые она имеет в философии М. Хайдеггера [Хоружий 2012: 44]. О параллелях с экзистенциалистским взглядом на бытие человека уже было сказано выше. Очевидны и общие моменты с восточной философией – как индийской, так и дальневосточной, где концепты, близкие к ключевому для этой теории понятию энергии, также играют ведущую роль, в том числе и в постижении феномена человека.

С точки зрения юридической антропологии особый интерес представляет параллель, обнаруживаемая между идеями энергийной антропологии и самыми актуальными для мировой науки теориями, ориентированными на практические исследования социального бытия человека, в частности его юридического быта. Речь идет об учении французского социолога Пьера Бурдьё, которое не только является одним из ведущих направлений в современной социологии, но и оказывает влияние на антропологические исследования. Ключевые для него концепты *социального агента*, *практик* и *габитуса* как нельзя лучше укладываются в энергийную парадигму.

Вводя вместо привычных терминов «субъект» или «индивид» понятие «агент», П. Бурдьё подчеркивает «в первую очередь такие качества (человека. – П.К.), как активность и способность действовать, быть носителем практик определенного сорта» [Шматко 1993: 14-15]. Категория «энергия» идеально подходит для описания этой способности и ее реализации в практиках.

«Габитус – система прочных приобретенных предрасположенностей (*dispositions*), структурированных структур, предназначенных для функционирования в качестве структурирующих структур, т.е. в качестве принципов, которые порождают и организуют практики и представления, которые объективно приспособлены для достижения определенных результатов» [Батурчик 2009]. Можно сказать, что габитус специфическим образом организует, упорядочивает, структурирует разнонаправленные энергии человека-агента, задает им определенный вектор по направлению к выбранной цели, делая тем самым возможными осмысленные социальные практики. Поскольку габитус формируется всем культурным окружением человека в ходе развития его личности, становится возможным говорить о присущих разным культурам (в том числе и разным правовым культурам) разных габитусах, которые и конституируют соответствующие типы человека юридического.

Еще один бурдьёзианский концепт – *социальный капитал* [Бурдьё 1993: 56-58] – также может быть истолкован в терминах энергийной антропологии как накопленная энергия определенного вида, отчужденная от человека, воплощенная в занимаемой им социальной позиции, но могущая быть в любой момент «востребованной» им обратно и реализованной в социальном действии.

Таким образом, энергийная теория при всей своей несомненной оригинальности и мнимой архаичности говорит на одном языке с современной

западной наукой, что позволяет «перекинуть мосты» между ними. В свою очередь, обогащение энергийной антропологии наработками зарубежных ученых делает возможным переход от «высокой теории» к непосредственному изучению социальной эмпирии. На ее основе становится возможно выстроить релевантную методологию практического исследования человеческого бытия, что делает ее уже не только «чистой» философией, но и самостоятельной эпистемологической парадигмой, пригодной для конструирования юридик-антропологической теории «среднего уровня».

Все сказанное выше не следует понимать в том смысле, что энергийную антропологию предлагается считать отныне единственно верной философской и методологической позицией, а все прочие отринуть и забыть. Разумеется, нет. Речь идет лишь о том, чтобы каждый исследователь или исследовательский коллектив четко эксплицировал (хотя бы для себя, а лучше – и для читателя) тот философский фундамент, на котором строятся его юридик-антропологические конструкции. Невозможно доказательно рассуждать о человеке-в-праве без опоры на определенные представления о человеке вообще. Авторы монографии «Социокультурная антропология права» дали нам пример исследования, фундированного ясной философской концепцией человека. При этом, разумеется, возможны (и необходимы) и иные подходы в антропологии права, базирующиеся на иных философских теориях.

Принятие определенной философской позиции определяет весь строй дальнейших рассуждений исследователя. «Если прежде заданием философской антропологии предполагалось “исследование сущностного строения человека” (М. Шелер), то теперь, в отличие от этого, перед антропологией должна ставиться задача исследования энергийного строения человека» [Хоружий 2012: 47]. Переход от философской антропологии к «теории среднего уровня», каковой в данном случае является антропология права, требует выстраивания научного дискурса в соответствии с выбранной философской концепцией. Эта задача не так проста, как может показаться на первый взгляд. С. Хоружий указывает в этой связи, что «выдвижение энергии на первый план ... не может опираться на какой-либо готовый концептуальный аппарат и требует специальной перестройки философской речи» [Хоружий 2012: 44]. Можно с полным основанием предполагать, что аналогичным образом должен быть перестроен и понятийный аппарат юридической антропологии, причем касается это не только и не столько терминологии, сколько «угла зрения» на изучаемую материю. И если в философии такая перестройка уже проведена самим С. Хоружим и его школой, то в антропологии права эта работа только начинается. Как показано выше, она может быть выполнена (по крайней мере частично) с использованием понятий, разработанных мировой наукой, при условии их адекватного перевода.

Что касается второй метакатегории – *права*, то ей «повезло» больше. Практически каждый труд по юридической антропологии содержит определение права, из которого исходит автор. Как уже было отмечено, определений этих существует множество. Поэтому, не претендуя на выбор «лучшего», попытаемся лишь обозначить критерий, позволяющий отсеять те

из них, которые заведомо неприменимы в юридико-антропологическом дискурсе. К таковым можно отнести все позитивистские («легистские», в терминах В.С. Нерсесянца) концепции, в той или иной форме отождествляющие право и государство – трактующие право как «волю господствующих классов», «норму, установленную государством», «приказ суверена» и т.п., поскольку они выводят за рамки множества юридических явлений широкий спектр феноменов, несомненно входящих в предметное поле юридической антропологии.

После того как намечены линии концептуализации основополагающих метакатегорий юридической антропологии, становится возможным построение собственного тезауруса этой науки, то есть конструирование понятий, составляющих ее операциональный язык и определяемых исходя из уже сформулированных представлений о человеке и праве. Как уже было сказано выше, это возможно путем формирования «терминологических конвенций» по итогам широкой научной дискуссии. Такая работа, в сущности, ведется постоянно. В качестве примеров удачных, на наш взгляд, терминологических находок можно указать введенное О.А. Пучковым понятие *правовой среды* [Пучков 1999: 142], предложенный В.И. Павловым термин *«правовая субъективация»* [Павлов 2012а: 13], взятые из бурдьезианского социоанализа концепты *юридического поля* и *юридического капитала*, наконец, часто встречающееся в работах по юридической антропологии понятие *правового плюрализма* [Griffiths 1986: 2].

В заключение еще раз подчеркнем, что данная статья носит характер приглашения к дискуссии. Мы ставили своей целью постановку проблемы, ни в коей мере не претендуя на ее окончательное решение. Первоочередной задачей юридической антропологии мы считаем преодоление наметившегося «раздвоения» этой научной дисциплины, для чего необходимо более активное взаимодействие научных сообществ, в настоящее время функционирующих практически изолированно друг от друга.

Потребность в ре-институционализации юридической антропологии путем выработки новой парадигмы объективно существует в обоих этих сообществах – давно сформировавшемся сообществе антропологов и находящемся в процессе становления сообществе юристов, хотя, возможно, для первого это не очевидно именно в силу его относительно длительного стабильного существования, тогда как второе как раз находится в активном поиске парадигмы. Дело в том, что большинство членов сообщества антропологов работает в рамках парадигмы, основы которой заложены еще в первой половине XX в. «отцами-основателями» юридической антропологии – Б. Малиновским и др. Ее ядро составляют те или иные варианты концепций традиционного общества и обычного права, тогда как представителей юридического сообщества интересует прежде всего правовое бытие современного социума (то, что некоторые авторы называют «антропологией позитивного права»). При этом простой «обмен» концепциями между этими сообществами не представляется возможным, как и построение новой теории из отдельных (взятых более или менее произвольно) фрагментов существующих.

Именно поэтому необходимо формирование новой парадигмы, которая станет убедительной и работоспособной моделью, позволяющей объяснить одновременно обе «половины» правовой реальности и дать ключ к пониманию как универсального феномена человека в праве, так и всего разнообразия его культурообусловленных локальных проявлений. Не ставя своей задачей предугадать концептуальное «наполнение» этой новой парадигмы, мы предприняли попытку обозначить лишь некоторые ее опорные точки, представляющиеся нам критически важными, и наметить направления возможного процесса ее конструирования. Дальнейшее продвижение на этом пути потребует совместных усилий представителей обоих научных сообществ, разрабатывающих проблематику юридической антропологии, которые должны в итоге привести к искомому синтезу как в области методологии, так и в сфере построения фундаментальных концепций. Надеемся, что данная статья внесет свою лепту в активизацию этого диалога.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Батурчик М.В. 2009. Габитус [Электронный ресурс]. URL: <http://bourdieu.name/content/gabitus-enciklopedija-sociologii> (дата обращения: 11.06.2016).
- Бурдьё П. 1993. Социология политики. М. : Socio-Logos. 336 с.
- Бочаров В.В. 2013. Неписанный закон: Антропология права. СПб. : АИК. 328 с.
- Исаев Н.А., Честнов И.Л. (ред.) 2015. Социокультурная антропология права : коллектив. моногр. / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. СПб. : Алеф-Пресс. 840 с.
- Карбонье Ж. 1980. Юридическая социология. М. : Прогресс. 352 с.
- Ковлер А.И. 2002. Антропология права. М. : НОРМА. 480 с.
- Нерсесянц В.С. 1999. Юридическая антропология как наука и учебная дисциплина : предисловие // Рулан Н. Юридическая антропология. М. : НОРМА. С. 1-6.
- Новикова Н.И. 2016. На праве земля держится: юридическая антропология как междисциплинарное исследование // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН. С. 122-135.
- Павлов В.И. 2012а. От субъекта права к правовой субъективации (к началам энергийно-правового дискурса) // Наука теории и истории государства и права в поиске новых методологических решений. СПб. : Астерион. С. 115-133.
- Павлов В.И. 2012б. Энергийно-правовой дискурс как постклассическая антропология права. К началам деконструкции классической модели юридической ответственности // Изв. вузов. Правоведение. № 2. С. 14-39.
- Павлов В.И. 2014. Методологические основания антропологической концепции права // Право Украины. № 1. С. 166-181.
- Пучков О.А. 1999. Антропологическое постижение права. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. юрид. акад. 384 с.
- Пучков О.А. 2001. Юридическая антропология и развитие науки о государстве и праве: Теоретические основы : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург. 502 с.
- Рулан Н. 1999. Юридическая антропология. М. : НОРМА. 310 с.
- Рязанова С.В. 2013. Категориальный аппарат религиоведения: границы, принципы, парадигмы // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Т. 13, вып. 1. С. 37-54.
- Соколовский С.В. 2000. О возможностях диалога юристов и антропологов (терминологические заметки) // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН. С. 51-62.

Соколовский С.В. 2015. Российская антропология: современная проблематика и дисциплинарное устройство // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. М. : Наследие ММК. Вып. 19. С. 132-168.

Хоружий С.С. 2002. Антропологические следствия энергийной онтологии Православия [Электронный ресурс]. URL: http://synergia-isa.ru/lib/download/lib/019_Horuzhy_Antr_Sled.doc (дата обращения: 11.06.2016).

Хоружий С.С. 2012. Исследования по исихастской традиции. Т. 2. СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманист. акад. 446 с.

Шматко Н.А. 1993. Введение в социоанализ Пьера Бурдьё // Бурдьё П. Социология политики. М. : Socio-Logos. С. 7-25.

Griffiths J. 1986. What is legal pluralism? // J. of Legal Pluralism. № 24. P. 1-50.

Rouland N. 1990. L'anthropologie juridique, Que sais-je? Paris : Les Presses universitaires de France. 127 p.

P. Kostogryzov. Yuridicheskaya antropologiya v poiskakh paradigm [Legal anthropology in search for a paradigm], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 81-99. (in Russ.).

Pavel I. Kostogryzov, Candidate of History, Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Ekaterinburg.

E-mail: pkostogryzov@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-9345-3900

Article received 12.04.2017, accepted 08.05.2017, available online 01.11.2017

LEGAL ANTHROPOLOGY IN SEARCH FOR A PARADIGM

Abstract. Studies in legal anthropology have been actively developing in Russia during the last two decades. However, the place of this discipline among the humanities and social sciences is still under discussion. There is no consensus among Russian researchers about the definition of its matter, thematic field, and structure; its conventional categorical apparatus is not elaborated yet. The present-day studies in humanities, particularly in anthropology, are interdisciplinary. On the one hand, this peculiarity opens up broad heuristic prospects; on the other hand, it produces certain epistemological difficulties. The most obvious is the problem of transferability of knowledge from one discipline's language into another one. Since the legal and anthropological studies are conducted by both law scholars and anthropologists, as well as by specialists in other social sciences, a common language of legal anthropology unambiguously understood by all scientists becomes necessary for ensuring synergy of their research efforts. This requires concerted activity of the whole research community in order to form terminological conventions. It presupposes public discussion with the participation of a broad circle of scholars who represents different fields of knowledge but are committed to the common legal anthropological research agenda. In characterizing the basic methodological approaches coexisting in contemporary Russian legal anthropology, the author outlines the most promising issues, which such discussion could develop. The author's vision of the object, the thematic field, and the structure of legal anthropology is presented as one of possible versions. One of the most promising theories

claiming to become the philosophical foundation of legal-anthropological studies – the anthropology of energy – is considered.

Keywords: legal anthropology, methodology of science, paradigm, research approach, anthropology of energy.

References

Baturchik M.V. *Gabitus* [Habitus], available at: <http://bourdieu.name/content/gabitus-enciklopedija-sociologii> (accessed 11 June 2016). (in Russ.).

Bocharov V.V. *Nepisanyy zakon: Antropologiya prava* [Unwritten Law. Legal Anthropology], St. Petersburg, AIK, 2013, 328 p. (in Russ.).

Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics], Moscow, Socio-Logos, 1993, 336 p. (in Russ.).

Carbonnier J. *Yuridicheskaya sotsiologiya* [Legal Sociology], Moscow, Progress, 1980, 352 p. (in Russ.).

Griffiths J. What is legal pluralism? *J. of Legal Pluralism*, 1986, no. 24, p. 1-50.

Horuzhiy S.S. *Antropologicheskie sledstviya energiyonoy ontologii Pravoslaviya* [Anthropologic Consequences of the Orthodox Energy Ontology], available at: http://synergia-isa.ru/lib/download/lib/019_Horuzhy_Antr_Sled.doc (accessed 11 June 2016). (in Russ.).

Horuzhiy S.S. *Issledovaniya po isikhastskoy traditsii. T. 2* [Studies on the Hesyast Tradition. Vol. 2], St. Petersburg, Izd-vo Rus. khristian. gumanit. akad., 2012, 446 p. (in Russ.).

Isaev N.A., Chestnov I.L. (eds.) *Sotsiokul'turnaya antropologiya prava* [Socio-Cultural Legal Anthropology], St. Petersburg, Alef-Press, 2015, 840 p. (in Russ.).

Kovler A.I. *Antropologiya prava* [Legal Anthropology], Moscow, NORMA, 2002, 480 p. (in Russ.).

Nersesyants V.S. *Yuridicheskaya antropologiya kak nauka i uchebnaya distsiplina : predislovie* [Legal Anthropology as a Science and an Academic Subject], *Rulan N. Yuridicheskaya antropologiya*, Moscow, NORMA, 1999, pp. 1-6. (in Russ.).

Novikova N.I. *Na prave zemlya derzhitsya: yuridicheskaya antropologiya kak mezhdistsiplinarnoe issledovanie* [The Earth is Held up by the Law: Legal Anthropology as an Interdisciplinary Study], *Fenomen mezhdistsiplinarnosti v otechestvennoy etnologii*, Moscow, In-t etnologii i antropologii RAN, 2016, pp. 122-135. (in Russ.).

Pavlov V.I. *Energiyno-pravovoy diskurs kak postklassicheskaya antropologiya prava. K nachalam dekonstruktsii klassicheskoy modeli yuridicheskoy otvetstvennosti* [Discours of Energy Law Theory as a Post-Classic Legal Anthropology], *Izv. vuzov. Pravovedenie*, 2012, no. 2, pp. 14-39. (in Russ.).

Pavlov V.I. *Metodologicheskie osnovaniya antropologicheskoy kontseptsii prava* [Methodological Fundamentals of Anthropologic Conception of Law], *Pravo Ukrainy*, 2014, no. 1, pp. 166-181. (in Russ.).

Pavlov V.I. *Ot sub'ekta prava k pravovoy sub»ektivatsii (k nachalam energiyno-pravovogo diskursa)* [From Legal Subject towards Legal Subjectivation], *Nauka teorii i istorii gosudarstva i prava v poiske novykh metodologicheskikh resheniy*, St. Petersburg, Asterion, 2012, pp. 115-133. (in Russ.).

Puchkov O.A. *Antropologicheskoe postizhenie prava* [Anthropologic Comprehension of Law], Ekaterinburg, Izd-vo Ural. gos. yurid. akad., 1999, 384 p. (in Russ.).

Puchkov O.A. *Yuridicheskaya antropologiya i razvitie nauki o gosudarstve i prave: Teoreticheskie osnovy : dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal Anthropology and Development of Law Science: dissertation], Ekaterinburg, 2001, 502 p. (in Russ.).

Rouland N. *L'anthropologie juridique, Que sais-je?* [Legal anthropology, What do I know?], Paris, Les Presses universitaires de France, 1990, 127 p. (in French.).

Rouland N. *Yuridicheskaya antropologiya* [Legal Anthropology], Moscow, NORMA, 1999, 310 p. (in Russ.).

Ryazanova S.V. *Kategorial'nyy apparat religiovedeniya: granitsy, printsipy, paradigmy* [Categorical Apparatus of Religion Studies], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2013, vol. 13, iss. 1, pp. 37-54. (in Russ.).

Shmatko N.A. *Vvedenie v sotsioanaliz P'era Burd'e* [Introduction to Pierre Bourdieu's Socioanalysis], *Burd'e P. Sotsiologiya politiki*, Moscow, Socio-Logos, 1993, pp. 7-25. (in Russ.).

Sokolovskiy S.V. *Ovozmozhnostyakh dialoga yuristov i antropologov (terminologicheskie zametki)* [On the Possibility of a Dialogue between Jurists and Anthropologists], *Yuridicheskaya antropologiya. Zakon i zhizn'*, Moscow, In-t etnologii i antropologii RAN, 2000, pp. 51-62. (in Russ.).

Sokolovskiy S.V. *Rossiyskaya antropologiya: sovremennaya problematika i distsiplinarnoe ustroystvo* [Russian Anthropology: Present-Day Problems and Disciplinary Structure], *Etnometodologiya: problemy, podkhody, kontseptsii*, Moscow, Nasledie MMK, 2015, iss. 19, pp. 132-168. (in Russ.).